

Н.Н. СТРАХОВ - ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРИТИК

С. П. Гришева

Николай Николаевич Страхов вошел в историю русской культуры как человек разносторонних познаний и многообразной деятельности. Достаточно ярко он проявил себя как литературный критик. Его перу принадлежат статьи, посвященные Пушкину, Тургеневу, Достоевскому, А.Толстому и другим писателям. Они многообразны по мысли, по форме, но их объединяет общий подход к искусству и его предназначению, о котором следует сказать особо.

Чтобы понять закономерности оценочных суждений Страхова-критика следует вспомнить о некоторых особенностях его мировосприятия. Воспитанный в глубоких религиозных традициях (дед - протоиерей Белгородской духовной семинарии, отец - магистр богословия и преподаватель словесности в этой же семинарии, дядя по материнской линии - ректор Каменец-Подольской, а затем Костромской духовной семинарий, сам Николай Николаевич закончил духовное училище и духовную семинарию до получения светского образования), Страхов на всю жизнь сохранил веру в Бога, ни разу не усомнившись в его существовании. Занимаясь естественными науками, он для себя еще раз убедился, что не существует убедительных доказательств того, что Бога нет. В статье «Учение о божестве по началам разума», которая хотя и носила реферативный характер, но все же отражала его согласие со взглядами философов, утверждающих существование высшего разума, он пишет: «Все существующие философские доказательства бытия божия не имеют характера доказательств в точном значении слова, все они предполагают то, что хотят доказать: существование в нашем духе идеи о божестве» (6, с.33).

Воспитание, образование, сформировавшие характер и мировоззрение Страхова, отразились на его образе жизни, который он называл «регулярным», подразумевая под ним скромность в быту и совершенствование образования. Во вводной статье в книге «Н.Н.Страхов. Литературная критика» (7, с.11) Н.Н.Скатов, автор ее, приводит фрагмент из письма Страхова, написанного им уже в конце жизни молодому человеку, где достаточно ясно проявляется его главный, нравственный принцип, которому он следовал и который отразился на многих его оценках. «... Вы не только хорошо пишете и обладаете большой гибкостью ума, но ... сверх того лихорадочно возбуждены и

рветесь к истине и к тому, чтобы сейчас же заявить свои мысли... Зачем Вам разбрасываться и истощать свои силы и порывистое писание и чтение. Если бы было в моей власти, я бы предписал Вам, во-первых, - регулярный образ жизни, а во-вторых чтение хорошей немецкой философской книги. Настоящее образование и настоящая зрелость не достигаются в 3-4 года, а только в десятки лет», - пишет критик (1,11). Страхов имел моральное право так наставлять современников ибо сам он обладал энциклопедическими познаниями во многих областях знаний, глубоко понимал русскую и зарубежную культуру, владел древними и современными европейскими языками. Все это позволяло ему судить обо всем не через «третьи руки», а на основе первоисточников.

Обладая ярко выраженным аналитическим умом, ассоциативным мышлением, Страхов видел мир жизни и мир искусства (как художественное проявление этой жизни) во взаимосвязях и взаимопроникновениях. Его привлекала гармония; диссонансы, наоборот, раздражали.

Как литературный критик Страхов начинал в журналах братьев М.М. и Ф.М.Достоевских, с которыми его познакомил А.П. Милюков. Здесь он испытал сильное влияние А.А.Григорьева, Ф.М.Достоевского и утверждался в своем эстетическом кредо. Литературный круг, окружавший его, объединял людей с тонким вкусом и пониманием искусства. Страхов пишет: «С первого вторника, когда я явился в этом кружок, я считал себя как будто принятым наконец в обществе настоящих литераторов и очень всем интересовался. Главными гостями А.П. оказались братья Достоевские, Федор Михайлович и Михаил Михайлович, давнишние друзья хозяина... Разговоры в кружке занимали меня чрезвычайно. Это была новая школа, которую мне довелось пройти, школа, во многом расходившаяся с теми мнениями и вкусами, которые у меня сложились. До того времени я жил тоже в кружке, но в своем, не публичном и литературном, а совершенно частном. Тут господствовало большое поклонение науке, поэзии, музыке, Пушкину, Глинке; настроение было очень серьезное и хорошее. И тут сложились взгляды, с которыми я вступил в чисто литературный кружок. В то время я занимался зоологиею и философиею и потому, разумеется, прилежно следил за немцами, в них видел вождей просвещения... У литераторов оказалось другое... Направление кружка сложилось под влиянием французской литературы; политические и социальные вопросы были тут на первом плане и поглощали чисто художественные интересы... Хотя я имел уже маленький успех в литературе и обратил на себя некоторое внимание М.Н.Каткова и А.А.Григорьева, все-таки я должен сказать, что больше всего обязан в этом отношении Ф.М.Достоевскому, который с тех пор отличал меня, постоянно одобрял и поддерживал и усерднее, чем кто-нибудь, до конца стоял за достоинства моих писаний». (1, 20-21).

Как литературный критик Страхов мужал, сотрудничая во многих журналах. Он был одним из главных сотрудников в журналах Достоевского «Время», затем «Эпоха». После их закрытия он редактировал «Отечественные записки» (до перехода его к Некрасову); возглавлял журнал «Заря» до самого его закрытия. В период тесного сотрудничества в журналах братьев Достоевских Страхов стал главным идеологом этих печатных органов, которые отражали общественное и литературное движение, получившее определение как «почвенническое». Эта идеология отражалась в статьях Н.Н.Страхова, А.А.Григорьева, Ф.М.Достоевского.

Страхов считал родоначальником русской критики и своим учителем А.А.Григорьева, поэтому в его статьях достаточно часто наблюдаются совпадения их взглядов на многие явления культуры и литературы.

Как известно, почвенники призывали к сближению с народом («почвой») - выразителем русского национального характера. Они, принимая западную культуру, отрицательно относились к буржуазным отношениям, построенным на прагматизме и власти денег. Редко выступали против революций, экстремизма и нигилизма, считая эти явления продуктом западного влияния, несущим хаос, жестокость, экономическое и духовное разрушение. Данная позиция была основной и в определении места и предназначения искусства, роли художника в обществе. Эти взгляды нашли конкретное воплощение в литературно-критических статьях Страхова.

Одна из значительных статей, опубликованная во втором номере «Русского вестника» за 1862 год, была посвящена роману И.С.-Тургенева «Отцы и дети». Она являет собой яркий типический пример, в котором воплотились антинигилистические взгляды Страхова, и в целом почвенников, на роман. В многочисленных спорах о нем сам Тургенев выделил позицию почвенников, как наиболее приближенную к его замыслу. В этом смысле статья может быть сегодня востребована и поставлена рядом с писаревскими - «Базаров» и «Реалисты». По звучанию и по мысли статья совпадала с позицией Ф.М.Достоевского, отраженной в его письме Тургеневу, который в свою очередь, в ответном послании пишет: «Вы до того полно и тонко схватили то, что я хотел выразить Базаровым, что я только руки расставлял от изумления - и от удовольствия. Точно Вы в душу мне вошли и почувствовали даже то, что я не счел нужным и вымолвить» (2, 358).

В многоголосье обвинений и упреков в адрес Тургенева современных ему критиков и собратьев по перу, в разнобойный каскад вопросов по поводу главного героя (... да где же существуют Базаровы? Кто видел Базаровых? Есть ли действительно такие люди, как Базаров?) (1, 182) врывается голос Страхова, услышанный Тургеневым и одобренный. Полемизируя с «Русским словом» (статьями Д.И.-Писарева и М.А.Антоновича), Страхов пишет: «Совершенно очевидно,

что «Современник» желает убить г.Тургенева во мнении читателей, убить наповал, без всякой жалости...» (1, 185). Страхов увидел в романе правду жизни и трагизм его героя. «Базаров - человек вполне живой, не фантом, не выдумка, а настоящая плоть и кровь. Он отрицается от жизни, а между тем живет глубоко и сильно... Все лица (имеется в виду другие персонажи - прим. авт.) ничтожны в сравнении с Базаровым...» -, пишет Страхов. Общие силы жизни, которые, по мнению критика, Тургенев желал воплотить в романе, он вложил в Базарова, который, наполненный ими, их же отрицает. «Базаров - это титан, восставший против своей матери-земли; как ни велика его сила, она только свидетельствует о величии силы, его породившей и питающей, но не равняется с матернею силой», - отмечает он (1, 208).

Обостренное ощущение национальных особенностей жизни, свойственное почвенникам, в том числе и Страхову, отразилось на оценке героев романа. Страхов утверждает, что Базаров - это национальный тип. Он пишет: «... Конечно, искусство, непобедимо... тем не менее веяние нового духа, которое обнаружилось в отрицании искусства, имеет, конечно, глубокое значение. Оно особенно понятно для нас, русских. Базаров в этом случае представляет живое воплощение одной из сторон русского духа... он ... более русский, чем все остальные лица романа. Его речь отличается простотой, меткостью, насмешливостью и совершенно русским складом» (1, 192-193). Трагедия Базарова, русского человека, в том, что все силы души его были направлены на отвлеченную идею, вымученную в кабинетах, нигилистическую идею, которая, по мнению Страхова, никогда не приживется на русской почве и приведет лишь к разрушению, что мы и видим на примере судьбы тургеневского героя.

Страхов воспринимал и понимал русскую жизнь как самобытное явление, особый тип духовной жизни. С позиций его высоких критериев, жизнь России - духовная и культурная - бедна. Эта мысль пронизывает почти все статьи критика сквозной нитью. К литературе она имеет прямое отношение. Он считал, что в России велики потенциальные духовные силы, их нужно лишь пробудить, помочь осознать. С этой мыслью тесно связаны отрицательная оценка романа Тургенева «Дым». Статья о нем была опубликована в «Отечественных записках» в пятом номере за 1967 год. Страхов ощутил в романе авторское раздражение. «Ясно как день, - пишет критик, - что в повести раздражительность; ясно, как день, что эта раздражительность направлена против господствующего ветра. Этот ветер, вероятно, слышится г.Тургеневу, как и всякому, в каждом листке любой русской газеты. Этот ветер противный обличительному и самооплевательному, веяние некоторой народной гордости, самоуверенности, большое уважение к нашей истории, большая вера в насущные силы России, большая надежда на ее будущность... то, над чем издевается г.Тургенев, не находится вдалеке от нас, не составляет предмета на-

ших наблюдений со стороны, а составляет часть нас самих, составляет то, чем мы живем и волнуемся» (1, 225). Здесь мы слышим отголоски общественных споров и ясно видим позицию критика. Страхов не отрицает существования всего того, о чем поведал романист. Тургенев тоже в этот момент находился в состоянии мучительных поисков ответов на вопросы «Кто виноват?» и «Что делать?» Но критик отрицает тон, каким все это сказано, «самооплевывание». Воспитанный в духе глубокого уважения к родине, он бросается на ее защиту, пытается внушить уверенность, что есть силы для возрождения общества. «Не дым все русское», - говорит он. Комментируя обличительные речи в адрес России одного из персонажей выразителя авторской позиции Потугина, он резко говорит: «...замечания г.Потугина иногда остроумны, но в целом удивительно мелки и поверхностны и доказывают, что русская жизнь может показаться дымом только тому, кто эту жизнь не живет, кто не участвует ни в одном ее интересе. Темна, бедна русская жизнь - кто говорит! Но от этого русским людям как людям живым бывает трудно и тяжело жить, а не летят они по ветру с легкостью дыма» (1, 226). Страхов, отличающийся основательностью, строгостью в аргументациях, приводит примеры положительных достижений русского духа в искусстве.

Особая позиция в подходе к искусству порой сближала Страхова с такими крайними его оппонентами, как Н.Г.Чернышевский. Совершенно не принимая романа «Что делать?» по многим параметрам, он, как честный критик, признается в статье «Счастливые люди», напечатанной в «Библиотеке для чтения» в 1865 году, что роман не был бы возможен, если бы не новые люди, выведенные в нем. По мнению Страхова, эти люди - новый тип человека, который не подходит под понимание того, что раньше называлось человеком. В этом типе слышна частица русской силы. Исследователь творчества Достоевского В.С.Нечаева отмечает, что статья была написана по горячим следам, в 1863 году, и содержала высокие оценки, однако цензура потребовала приглушить «особенные похвалы романа» (3, с.209-212).

Страхова упрекают в догматизме, что, думается, несправедливо. Оставаясь до конца верным главным своим принципам в подходе к искусству, он иногда пересматривал некоторые оценки по отношению к писателям, стараясь быть честным к своим оппонентам. Например, о своем непримиримом противнике в области критики Добролюбова он писал Толстому, что если бы он остался жив, то общество многое бы от него услышало. После гневного письма Толстого по поводу нападок Страхова на «нигилистов» уже значительно позднее критик признается ему: «Нигилизм и анархизм - это ведь очень серьезные явления в сравнении с тою болтовнею, которая составляет верх человеческого достоинства для Григоровичей и Фетов» (Цит. по: 1, 27). В искренности этих слов не приходится сомневаться. В этом отношении мы согласны со Скатовым, который в подтверждение справедливости

выводов приводит фрагмент письма Страхова Розанову, отличившемуся консерватизмом. Он пишет: «... в основе (нигилизма - С.Г.) лежат нравственные требования, стремления к общему благу... нигилисты дали литературе серьезное настроение...» (4, 236). В статье «Из истории литературного нигилизма» он достаточно резко критикует писателей этого направления, к которому причисляет почти всех поэтов Некрасовской школы, но о самом Некрасове замечает: «Мы были бы чрезвычайно несправедливы к г. Некрасову, если бы смотрели на него, как на некоторого г. Минаева больших размеров, хотя так смотрит на себя сам Некрасов, хотя в минаевщине он поставляет всю свою славу. В г. Некрасове есть большее, чего нет в г. Минаеве и во всем направлении, которому они оба служат». («Заметки о Пушкине и других поэтах»). Страхов не принимал идеологию Некрасова и его эстетическую систему в целом, но он восхищался языком поэта. О поэме «Мороз, Красный нос» он пишет: «Какая прелесть! Эти стихи и выписываешь с наслаждением. Какая верность, яркость и простота в каждой черте» («Из истории русского нигилизма»). Всю же поэму он назвал «странной уродливостью», а название ее - юмористическое, несоответствующее «этой печальной идиллии». Незадолго до смерти Некрасова Страхов написал Толстому: «А Некрасов умирает - вы знаете? Меня это очень волнует. Когда он звал к себе обедать, я не пошел, но на похороны пойду. Его стихи стали для меня иначе звучать - какая сила...» (5, 482). Одним из противников у Страхова был Щедрин. Страхов признавал «несомненную талантливость» сатирика, но самые язвительные выпады с его стороны были направлены в адрес Щедрина. Уже в статье позднего периода («Взгляд на текущую литературу», 1883г.) критик язвит: «... пугать публику, дразнить ее, подзадоривать и науськивать они умеют превосходно и занимаются таким делом с величайшим усердием. Читатели... совершенно дуреют от этих непрерывных возбуждений... есть люди, которые занимаются таким омрачением или мороченьем публики долгие годы...» (1, 391), - имея в виду публицистику Щедрина на в том числе, которая была по мысли тесно связана с его творениями.

Известно, что Страхова тесно связывали дружеские (хотя и не простые) отношения с Ф.М.Достоевским, который, как уже говорилось, сыграл немаловажную роль в становлении его как критика и журналиста. Статья Страхова о романе «Преступление и наказание», напечатанная в «Отечественных записках» в 1867 году - одна из самых интересных. В целом роман был им оценен положительно. В статье Страхов полемизирует с другими критиками и встает на защиту романа. Критик Г.З.Елисеев, сотрудник «Современника», увидел в романе мотивировку преступления «научными убеждениями» и попытку распространить их «на целую студенческую корпорацию». Главной темой, по его мнению, является «процесс чистого, голого убийства с грабежом», а посему роман реакционен. Другой критик, А.С.Суворин,

оценивал Раскольникова «как явление чисто болезненное», которое подлежит «скорее психиатрии, чем литературной критике». Страхов парирует: «... это нелепость... нужно вовсе лишиться здравого смысла, для того, чтобы сделать такое нелепое обвинение... все вздор...» (1, 97). Раскольников в здравом рассудке, утверждает Страхов, он последовательно развивает свое учение, отчетливыми и связными мыслями. «Раскольников ... с задатками твердого ума и теплого сердца... Этот юный человек строит теорию, которая ... противоречит жизни. В угоду своей теории он ... ломает свою жизнь...» (1, 100). Это глубоко страдающий нигилист, говорит критик, изображен «в трагическом виде». Этот случай - не типичное явление. Автор взял его, по мнению Страхова, в крайнем его развитии. Он исключителен и не носит массового характера, это явление «необычайно редкое». Большая заслуга Достоевского, по мнению критика, в том, что он убедительно показал, «что жизнь, натура останавливает нигилистов, как и других людей, не только на полдороге, но даже и на первом шаге какой-нибудь дороги; да, притом, что и дороги у них бывают различные. Это сопротивление жизни, этот ее автор против власти теорий и фантазий потрясающим образом представлены г. Достоевским. Показать, как в душе человека борется жизнь и теория, показать ... что победа осталась за жизнью - такова была задача романа» (1, 104). Страхов детально проанализировав ход мыслей автора, воплотившийся в судьбе героя, делает вывод: «Раскольников есть истинно русский человек именно в том, что дошел до конца, до края дороги, на который его завел заблудший ум. Эта черта русских людей, черта чрезвычайной серьезности, как бы религиозности, с которою они предаются своим идеям, есть причина многих наших бед. Мы любим отдаваться цельно, без уступок, без оговорок на полдороге; мы не хитрим и не лукавим сами с собою, а потому и не терпим мировых сделок между своею мыслью и действительностью. Можно надеяться, что драгоценное, великое свойство русской души когда-нибудь проявится в истинно прекрасных делах и характерах... теперь же наше свойство доходит во всем до краю - так или иначе - портит жизнь и даже губит людей». Истинно это печальное явление и изобразил Достоевский, резюмирует критик. У Страхова с Достоевским было много общего. Из ученика Страхов в каком-то смысле перешел в учителя. Достоевский справедливо писал: «Да половина моих взглядов - ваши взгляды». Эту истину подтверждает А.С.-Долинин: «Взгляды Достоевского - действительно «наполовину взгляды», высказанные ранним Страховым... Все эти мысли, если взять их изолированно, конечно, в высшей степени не оригинальны: любой «батюшка» произносил подобные речи с церковного амвона не один раз... В «Дневнике писателя», в особенности в «Поучении старца Зосимы», он повторяет их почти дословно» (6, 244). У Гуральник, автор статей о Страхове, придерживается другой точки зрения. Он утверждает, что Достоевский «ведет внутреннюю полемику со страховской

«рецептурой» переустройства мира на «идеалистических» началах (7, 142). Сам Достоевский говорил, что он прошел через испытания религией, богом (в отличие от Толстого, который, как и Страхов, не ставил под сомнение принцип религии и Бога). И в этом некоторые исследователи видят основу разногласий между Страховым и Достоевским. Кроме того, Страхов не раз упрекал Достоевского в отступлении «от правды жизни», ее гармонии, когда писатель выделяет и видит только темные, негативные ее стороны. С точки зрения органической критики, это нарушение принципа реализма. Главная заслуга Достоевского, по Страхову, в том, что он ярко и убедительно показал пагубность нигилистических идей, несовместимых с русским характером, с русской почвой.

Положительным явлением в идеальном понимании в истории русской литературы, в представлении Страхова, является творчество А.С.Пушкина. Это целое национальное явление. «Бедна наша литература, - пишет он, - но у нас есть Пушкин» (1, 81). Он - начало всех начал. «Пока будет существовать русский народ и русский язык, и даже более - пока «жив будет хоть один пиит», пока для людей будет существовать поэзия, до тех пор будут говорить о Пушкине, до тех пор люди будут погружаться в созерцание этого удивительного светила, услаждать и просветлять свою душу его чистыми лучами, его безупречно ясным сиянием». (там же). Перу Страхова принадлежит целый ряд статей, посвященный творчеству великого поэта, которые он объединил в книгу «Заметки о Пушкине и других поэтах». Сюда вошли шесть статей. Но и в других он так или иначе обращается к поэту: в «Бедности нашей литературы», в статьях о Достоевском, Тургеневе, Толстом и др. Обращение к Пушкину было вызвано не только любовью Страхова к поэзии. Одна из главных причин - желание защитить его от нападков со стороны «Русского слова», в частности Писарева, который упрекал Пушкина в отсутствии смысла в его лирике и утверждал, что идеи Пушкина бесполезны («Прогулка по садам Российской словесности», 1865, №3). Страхов назвал этот выпад «безумным», «поразительно безумным», а авторов его - недостойными. «С одной стороны вы видите явление громадное, глубокое, ширящееся в бесконечность... с другой ... людей с микроскопически - узкими и слепыми взглядами, с невероятно короткими мерками и циркулярами, предназначенными для измерения и оценки великого явления...» (1, 82).

В Пушкине Страхов нашел отклик того положительного, что составило в его представлении суть русской жизни и русского национального характера. «Пушкин - великий русский поэт... для оценки его необходимо подниматься на эти возвышенные точки зрения... (1, 83). Он высоко ценил язык Пушкина, в котором «легко и непринужденно сошлись в одну речь и церковнославянская форма, и народное речение...» (там же, 84). От Пушкина берет начало все существенное в литературе. Его позиция - отражение почвинической позиции, кото-

рую он называет пушкинской. Несмотря на множество новых путей намечившихся в русской литературе, эти пути - только продолжение «дорог», уже начатых или совершенно пробитых Пушкиным, утверждает Страхов и убедительно аргументирует. «Последняя повесть Тургенева, - пишет он, имея в виду роман «Дым» - писана вполне пушкинским языком». Критик сблизил этот роман с «Евгением Онегиным» (1, 411). В литературе второй половины 19 века А.Н.Толстой, по Страхову, был тем, чем Пушкин для первой половины. Толстой его притягивал не менее, чем Пушкин, столь созвучно его мировидению, настроению было творчество писателя. Страхов открыл русскому читателю Толстого второй половины века. Его статьи о романе «Война и мир» сам Толстой признавал лучшими и доверял Страхову править второе издание романа по своему усмотрению. Развитие Толстого - писателя он определял как творческое развитие традиций Пушкина (от «Капитанской дочки» к «Войне и миру»). От него (Пушкина) начинается движение и в русской литературе, а Толстой - ее вершина. На феномен Толстого он откликнулся так: «Пока жива и здорова наша поэзия, до тех пор нет причины сомневаться в глубоком здоровье русского народа...» Он глубоко понимал Толстого, чем поражае самого писателя и возбудил в нем признательную любовь, в которой не раз признавался в письмах и о чем не раз упоминала жена Толстого. «Именно в творчестве Толстого Страхов увидел и подтверждение многих теоретических начал «органической критики», - пишет Н.Скагов (1, 35). И это так. Страхов о романе замечает: «Вера в жизнь - признание за жизнью большего смысла, чем тот, какой способен уловить наш разум, - разлита по всему произведению графа А.Н.Толстого; и можно было бы сказать, что на эту тему написано все это произведение... Таинственная глубина жизни - вот мысль «Войны и мира» (7, 327). В статье о романе, он дает свое понимание, выводя его из глубокого сопоставительного анализа творчества многих предшественников и современников Толстого. Это он первый определил роман как героическую эпопею, в которой дана новая русская «формула героической жизни», в основе которой - идеал русского духа - простоты, добра и правды. Ярким образцом такого идеала служит Платон Каратаев.

Страхов многое предрек в развитии русской литературы и судьбах писателей, в чем мы можем убедиться, спустя почти полтора столетия. Он предрек вечную жизнь творениям Пушкина, вобравшего все вечное, русское, национальное и воплотившего в жемчужной россыпи поэтического творчества. Он предупреждал о бесполезности пути развития по западным образцам и русской культуры, и русской жизни, указывая на несовместимость их с русским особым духом. Он предсказывал бессмертие толстовского романа «Война и мир», в котором отразилась жизнь с ее глубинными тайнами и вечными вопросами жизни. По этому роману, писал он, будут судить о нашей культуре.

«Если теперь иностранцы спросят у нас о нашей литературе... мы прямо укажем на «Войну и мир», как на зрелый плод нашего литературного движения, как на произведение, перед которым мы сами преклоняемся... потому что оно принадлежит к самым великим, самым лучшим созданиям поэзии, какие мы только знаем и можем вообразить... Эта книга есть прочное приобретение нашей культуры, столь же прочное и непоколебимое, как например, сочинения Пушкина...» (1, 350-352).

Внимательно вчитываясь в статьи Н.Н.Страхова, мы убеждаемся, что многие его суждения, оценки и предсказания близки нам и звучат в духе нашего времени. Литературно-критическое наследие Страхова еще недостаточно изучено и ждет своих исследователей.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Григорьев Аполлон Александрович - русский литературный критик и поэт. Разработал принцип органической критики, считая его основным в рассмотрении искусства, ибо, как и жизнь, искусство - по его мнению - жизненно, органично, синтетично, естественно, в отличие от аналитической науки.
2. Гуральник У. Н.Н.Страхов - литературный критик // Вопросы литературы, 1972, №7.
3. Нечаева В.С. Журнал М.М. и Ф.М. Достоевских «Эпоха», 1864-1865. М., 1975.
4. Некрасов в воспоминаниях современников. - М., 1971.
5. Розанов В. Литературные изгнанники. - СПб, 1913, т.1.
6. Страхов Н. Учение о Боге по началам разума. - М., 1993
7. Страхов Н.Н. Литературная критика. - М., 1984
8. Тургенев И.С. Полн. собр. соч. И писем: В 28 т. - Письма, М.-Л., 1962, т.4.
9. Шестидесятые годы. - М.-Л., 1940.